Дата поступления рукописи в редакцию: 20.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.10.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7518-2026-3-40-45

КОВАЛЁВ Сергей Викторович,
старший преподаватель ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблем уголовно-правовой оценки криптовалюты в качестве объекта коррупционных посягательств. Исследуются вопросы отнесения цифровых финансовых активов к предмету взяточничества и коммерческого подкупа, коллизии в применении норм статей 290, 291, 204 УК РФ, а также специфика доказывания в уголовном судопроизводстве. Установлено, что действующее уголовное законодательство позволяет квалифицировать криптовалюту как «иное имущество» посредством системного толкования бланкетных норм. Определено, что моментом окончания преступления следует признавать возникновение у должностного лица реальной возможности распорядиться цифровыми активами. Предложен двухуровневый подход к совершенствованию правового регулирования, сочетающий применение действующих норм УК РФ и перспективные законодательные реформы. Сформулированные рекомендации направлены на упрощение квалификации и оценки размера незаконного вознаграждения, а также организацию межведомственного взаимодействия при расследовании коррупционных деяний с использованием цифровых финансовых активов.

Ключевые слова: криптовалюта, коррупционные преступления, уголовно-правовая квалификация, цифровые финансовые активы, взяточничество, предмет преступления, уголовно-процессуальное доказывание.

KOVALEV Sergey Viktorovich,
Senior Lecturer, Federal State Educational Institution of Higher Education, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

CRYPTOCURRENCY AS A SUBJECT OF CORRUPTION CRIMES: PROBLEMS OF CRIMINAL LAW QUALIFICATION AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of the issues related to the criminal-legal assessment of cryptocurrencies as objects of corruption. It examines the classification of digital financial assets as subjects of bribery and commercial bribery, as well as conflicts arising from the application of Articles 290, 291, and 204 of the Criminal Code of the Russian Federation. The paper also addresses the specifics of evidence in criminal proceedings. The study concludes that the current criminal legislation allows for the qualification of cryptocurrencies as «other property» through a systematic interpretation of general norms. The moment when an official gains the real opportunity to dispose of digital assets is identified as the completion point of the crime. A two-tier approach to improving legal regulation is proposed, combining the use of existing norms of the Criminal Code with prospective legislative reforms. The recommendations aim to simplify the qualification and assessment of the amount of illegal remuneration, as well as to organise interdepartmental cooperation in investigating corruption involving digital financial assets.

Key words: cryptocurrency, corruption crimes, criminal law qualification, digital financial assets, bribery, the subject of the crime, criminal procedural evidence.

Стремительная цифровизация мировой экономики кардинально трансформировала финансовые отношения, создав новые каналы для криминальной деятельности. Стоит отметить то, что криптовалюты, обладающие свойствами анонимности, децентрализации и трансграничности, активно интегрируются в коррупционные схемы, что существенно повышает латентность данных деяний и усложняет их выявление. Отсутствие специальных процессуальных форм фиксации верифицированных криптопереводов и невозможность традиционного контроля

со стороны банковских структур объективно затрудняют работу правоохранительных органов. Особо важным становится то, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации не содержит прямой отсылки к цифровым финансовым активам как к предмету взяточничества, несмотря на сохраняющуюся высокую общественную опасность подобных посягательств. Именно поэтому становится необходимым формирование единообразной правоприменительной практики и устранение существующих пробелов в нормативно-правовом регулировании.

Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ проблем квалификации криптовалюты в качестве предмета коррупционных преступлений, а также разработка научно обоснованных путей совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- исследовать правовой и регуляторный статус цифровых финансовых активов;

- выявить пробелы в диспозициях ст. 290, 291, 204 УК РФ;

- проанализировать процессуальные и криминалистические особенности доказывания;

- сформулировать предложения по оптимизации правоприменительной деятельности.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере противодействия коррупции. Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за коррупционные деяния с использованием криптовалюты.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. В ходе исследования применялся формально-юридический метод, позволивший провести детальный анализ нормативно-правовых предписаний и разъяснений, сформулированных высшими судебными органами. Использование системно-структурного подхода дало возможность проследить трансформацию института предмета взятки — от классических материальных благ к современным цифровым правам. Благодаря сравнительно-правовому и историко-правовому инструментам удалось реконструировать этапы развития законодательного регулирования и соотнести российскую практику с международными антикоррупционными стандартами.

Уровень научной проработки рассматриваемой проблематики подтверждается значительным массивом публикаций, затрагивающих отдельные аспекты обращения цифровых активов и их вовлечённости в коррупционные схемы. В частности, В.А. Полтарыхин обоснованно указывает, что отсутствие специализированных процессуальных механизмов фиксации верифицируемых криптопереводов, а также невозможность применения традиционных банковских процедур контроля создают объективные препятствия для правоохранительных органов при выявлении и процессуальном оформлении коррупционных деяний, совершаемых с использованием криптовалют [1, с. 110]. Так, И.Р. Аминов и С.В. Трусов, изучая проблемы цифровизации коррупции, указывают на необходимость прямого признания цифровой валюты предметом преступления независимо от правового режима её выпуска и обращения, что, по их мнению, позволит устранить законодательные пробелы в квалификации соответствующих деяний [2, с. 95–96]. Помимо этого, следует сказать о том, что процессуальные аспекты и конституционно-правовой конфликт, связанный с требованием декларирования для судебной защиты, подробно раскрыты в трудах П.О. Герцена и А.Ю. Чурилова, которые предупреждают о формировании «правового нарратива», создающего неправомерную условность реализации фундаментальных гарантий [3, с. 21–23]. Д.В. Гриб подчеркивает конвертируемую экономическую природу криптоактивов и их соответствие критериям цифровых прав, что формирует достаточное основание для их отнесения к объектам гражданских прав в контексте уголовно-правовой квалификации [4, с. 79–80]. Криминалистические особенности оперативно-розыскного обеспечения и превентивный потенциал технологии распределенных реестров исследованы Д.Г. Лисовским и П.В. Креером, обращающими внимание на специфику фиксации переводов в публичных блокчейнах и сложности работы с privacy-коинами [5, с. 556–557]. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным майнингом как источником коррупционного обогащения, рассмотрены Д.Э. Алёхиным, который анализирует возможности применения статей 171, 158, 165 УК РФ в совокупности с нормами о легализации преступных доходов [6, с. 58–62]. В.В. Качалов справедливо отмечает, что действующее законодательство уже сейчас, без внесения изменений в УК РФ, позволяет квалифицировать криптовалюту как «иное имущество», определяя момент окончания преступления возникновением у должностного лица реальной возможности распорядиться цифровыми активами [7, с. 19–22]. Обращаясь к позиции доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации Бориса Владимировича Волженкина, следует отметить его фундаментальные выводы о межотраслевой природе категории «имущество», требующей системного толкования при квалификации экономических деяний, что создаёт надёжную доктринальную основу для применения бланкетных норм уголовного закона к цифровым финансовым активам [8, с. 4].

Несмотря на значительный вклад указанных учёных, вопрос комплексной квалификации криптовалюты именно как предмета коррупцион-

ных посягательств в условиях правовой неопределённости требует дальнейшего доктринального осмысления. Исходя из вышеизложенного, следует отметить то, что формирование единообразной правоприменительной практики невозможно без сочетания системного толкования действующих норм и точечных законодательных инициатив, направленных на устранение терминологических пробелов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в комплексе рассмотрена криптовалюта в «двойной роли»: как самостоятельный предмет коррупционного преступления и как объект, полученный преступным путем (в частности, посредством незаконного майнинга) для последующего использования в коррупционных схемах. Кроме того, предложен двухуровневый подход к правовому регулированию, сочетающий применение действующих норм УК РФ через системное толкование и перспективные законодательные реформы для устранения терминологической неопределенности. Такой подход позволяет оперативно реагировать на вызовы цифровой эпохи без ожидания масштабных кодификационных изменений.

Практическая значимость полученных результатов обусловлена возможностью их непосредственного использования в правоприменительной деятельности. Сформулированные рекомендации по квалификации момента окончания преступления, оценке размера взятки в криптовалюте на основе усредненных биржевых курсов, а также предложения по адаптации оперативно-розыскных методик и взаимодействию с VASP-провайдерами могут быть внедрены в практику следственных органов и судов. Исходя из этого, стоит отметить то, что разработанные положения способны повысить эффективность выявления, раскрытия и расследования коррупционных преступлений с использованием цифровых финансовых активов, а также послужат основой для подготовки межведомственных методических пособий и нормативных законопроектов.

Для глубокого понимания проблематики необходимо, прежде всего обратиться к теоретико-правовым основам, определяющим понятие предмета коррупционных преступлений в условиях цифровой трансформации. Необходимо сказать о том, что историческая эволюция предмета взяточничества и коммерческого подкупа в российской доктрине и законодательстве демонстрирует последовательный переход от исключительно материальных носителей к абстрактным финансовым инструментам. В подтверждение сказанному ранее стоит обратиться к фундаментальным положениям теории уголовного права об экономических преступлениях. Так, Борис Владимирович Волженкин, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, государственный советник юстиции 2 класса, изучая природу хозяйственных преступлений, указывает на их ярко выраженную межотраслевую специфику: поскольку диспозиции соответствующих норм уголовного закона имеют бланкетный характер, для их уяснения необходимо обращаться к понятиям и положениям гражданского, налогового, финансового и иных отраслей законодательства [8, с. 4]. Применительно к современной цифровой экономике данный подход означает, что категория «имущество» в уголовном праве не может рассматриваться изолированно от её гражданско-правового наполнения, а требует системного толкования с учётом регуляторных реалий.

Следует отметить то, что легализация криптовалюты в отечественном правовом поле носит фрагментарный, но последовательный характер. В частности, Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ внёс в статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации новое понятие «цифровые права», отнеся их к категории «иного имущества». В свою очередь, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…» закрепил дефиницию «цифровой валюты» как совокупности электронных данных, выступающих средством платежа или инвестиций, не являющихся фиатной валютой [3, с. 17–18]. Помимо этого, следует сказать о том, что публично-правовое признание цифровых активов имуществом закреплено в ряде профильных федеральных законов: цифровая валюта признана имуществом в целях банкротства (ст. 2 ФЗ-127), исполнительного производства (ст. 68 ФЗ-229), противодействия коррупции (ст. 8 ФЗ-273) и противодействия легализации преступных доходов (ст. 3 ФЗ-115) [3, с. 19].

Особо важным становится то, что регуляторный статус криптовалюты продолжает расширяться за счёт введения новых механизмов контроля и налогообложения. Так, Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ легализовал деятельность по добыче (майнингу) цифровой валюты, обязав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей регистрироваться в специальном реестре ФНС России, а также установил двухэтапное налогообложение таких операций и возможность запрета майнинга в энергодефицитных регионах [6, с. 59]. В подтверждение сказанному ранее стоит отметить, что изменения в Налоговом кодексе Российской Федерации вводят обязательную декларацию оборота цифровых активов при превышении установленного лимита, что фактически интегрирует криптовалюту в систему фискального учёта наравне с традиционными финансовыми инструментами [5, с. 556]. Подобная интеграция свидетельствует о формировании устойчивого правопорядка, признающего экономическую ценность цифровых активов.

Однако стоит сказать о том, что в уголовном

праве прямо запрещена аналогия закона, в том числе при квалификации коррупционных деяний. Данная позиция неоднократно подтверждалась Конституционным Судом Российской Федерации при проверке конституционности соответствующих норм. Тем не менее, запрет на аналогию не означает запрета на использование категорий из других отраслей права при разрешении конкретных уголовных дел. В подтверждение этому следует привести позицию высших судебных инстанций, согласно которой понятия гражданского права, в частности категория «имущество», активно используются при квалификации преступлений, если это обусловлено бланкетным характером уголовно-правовых норм [3, с. 19–20]. Экономическая природа криптовалюты, заключающаяся в её конвертируемости в фиатные деньги, наличии рыночной стоимости и выполнении функций средства обращения и меры стоимости, полностью соответствует критериям материального блага, способного выступать объектом преступного посягательства [4, с. 79–80].

Исходя из этого, стоит отметить то, что отсутствие прямого упоминания термина «криптовалюта» в диспозициях статей 290, 291 и 204 УК РФ не является непреодолимым препятствием для квалификации соответствующих деяний. Легализация цифровых активов в гражданско-правовом, фискальном и регуляторном измерениях формирует устойчивую доктринальную и правоприменительную базу для квалификации криптовалюты в качестве «иного имущества» в рамках уголовного законодательства. Указанное обстоятельство предоставляет возможность привлечения субъектов к уголовной ответственности за коррупционные преступления, совершённые с использованием цифровых финансовых активов, без ожидания корректировок норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

После обоснования теоретической допустимости отнесения криптовалюты к категории «иного имущества» логично перейти к рассмотрению практических коллизий, возникающих при реализации соответствующих правовых конструкций. Следует констатировать, что диспозиции статей 290, 291 и 204 УК РФ не содержат императивных указаний на цифровые финансовые активы или криптовалюту как на предмет взяточничества либо коммерческого подкупа. Подобный нормативный пробел порождает определённые сложности при квалификации противоправных деяний в контексте интенсивной цифровизации экономических отношений. Как отмечают И.Р. Аминов и С.В. Трусов, отсутствие чёткого законодательного указания порождает дискуссии относительно природы цифровых активов и возможности их признания предметом коррупционных правонарушений [2, с. 95]. Однако бланкетный характер данных норм позволяет использовать категории смежных отраслей права для восполнения данного пробела без внесения изменений в Особенную часть УК РФ.

В подтверждение сказанному стоит привести высказывание, содержащееся в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 24.12.2019 № 59). Высшая судебная инстанция указывает, что предметом взятки наряду с деньгами и имуществом могут быть незаконное предоставление имущественных прав, а также возможность получения доходов от использования цифровых прав [5, с. 555]. Помимо этого, следует сказать о том, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (в ред. от 26.02.2019 № 1) прямо закреплено, что предметом легализации (отмывания) денежных средств могут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов, приобретённых преступным путём [2, с. 96]. Таким образом, судебная практика фактически признаёт экономическую ценность криптоактивов, формируя устойчивую базу для их квалификации в качестве предмета коррупционных деяний.

Особо важным становится то, что в доктрине уголовного права сформировалась единая позиция относительно момента окончания преступления. В.В. Качалов обоснованно полагает, что получение в качестве взятки криптовалюты следует признавать оконченным деянием с момента, когда у должностного лица появилась принципиальная возможность этой криптовалютой воспользоваться или распорядиться по своему усмотрению [7, с. 19]. Аналогичную позицию занимают И.Р. Аминов и С.В. Трусов, указывая, что зачисление средств на электронный кошелёк или передача реквизитов доступа образует оконченный состав, при этом последующая конвертация в фиатные деньги или фактическое распоряжение активами не являются обязательными условиями квалификации [2, с. 96]. Исходя из этого, стоит отметить то, что критерием окончания преступного деяния выступает именно возникновение у виновного реальной возможности свободно оперировать полученными цифровыми активами, а не их физическое или юридическое преобразование.

Стоит отметить то, что существенной проблемой правоприменения остаётся точная денежная оценка переданных цифровых активов. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, переданное в качестве взятки имущество должно получить денежную оценку, в том числе с учётом заключения специалиста или эксперта [5, с. 555]. В.В. Качалов справедливо отмечает, что поскольку у криптовалют отсутствует официальный курс и они отличаются высокой волатильностью, основным инструментом при определении размера взятки должно выступать заключение эксперта, который может

руководствоваться усреднёнными курсами различных криптобирж на момент совершения преступления [7, с. 22]. Такой подход обеспечивает объективность квалификации и позволяет корректно применять квалифицирующие признаки, связанные с размером незаконного вознаграждения, даже при отсутствии утверждённых государством методик оценки цифровых активов.

Обращаясь к Д.Г. Лисовскому и П.В. Крееру, следует отметить их важный доктринальный вывод относительно разграничения взятки и подарка в цифровой среде. Авторы подчёркивают, что взятка всегда предполагает встречное исполнение должностных обязанностей вне зависимости от суммы переданных средств, тогда как подарок по своей гражданско-правовой природе исключает возмездность [5, с. 557]. В качестве примера можно привести ситуацию, когда должностному лицу переводятся цифровые активы номинальной стоимостью ниже трёх тысяч рублей: если перевод обусловлен необходимостью совершения определённых действий по службе, он квалифицируется как мелкое взяточничество, а не как дарение. Представленные выше аргументы свидетельствуют, что при квалификации деяний с использованием криптовалюты, ключевым остаётся установление коррупционной взаимосвязи, тогда как денежный эквивалент передаваемых ценностей отходит на второй план.

Особую сложность представляет квалификация случаев, когда в качестве взятки фигурируют криптоактивы, добытые виновным незаконным путём (в ходе майнинга). В работе Д.Э. Алёхина детально рассматриваются вопросы квалификации преступлений, связанных с незаконной добычей и использованием криптовалюты, при этом автор указывает на частую квалификацию таких деяний по ст. 171, 158 либо 165 УК РФ с последующим вменением легализации доходов согласно ст. 174 и 174.1 УК РФ [6, с. 58–62]. В ситуации, когда подобные активы в дальнейшем передаются должностному лицу, возникает непростая задача доказывания причинно-следственной связи между изначальным преступным обогащением и последующим коррупционным эпизодом. В связи с этим представляется обоснованным разграничивать этап незаконного приобретения криптоактивов и этап их применения в качестве предмета коммерческого подкупа либо получения взятки, поскольку данные деяния посягают на различные объекты уголовно-правовой охраны, что предполагает их самостоятельную оценку в ходе расследования.

Рассмотрев квалификационные аспекты, необходимо обратиться к процессуальным, криминалистическим и конституционным особенностям, без учёта которых невозможно эффективное правоприменение в данной сфере. Следует отметить то, что доказывание коррупционных преступлений с использованием криптовалюты сопряжено со значительными процессуальными трудностями, обусловленными технической природой цифровых активов. Специфика доказывания характеризуется анонимностью, псевдонимизацией, децентрализацией распределенных реестров и трансграничным характером транзакций. Стоит отметить замечание В.А. Полтарыхина о том, что инфраструктура криптовалютных сетей позволяет создавать кошельки анонимно, без прохождения верификации по паспортным данным, а отсутствие посредников в виде банковских учреждений и личных встреч существенно затрудняет работу правоохранительных органов и фиксацию преступной деятельности [1, с. 110]. Более того, действующие нормы уголовно-процессуального законодательства, в частности статьи 176 и 183 УПК РФ, регламентирующие порядок осмотра, выемки и наложения ареста на имущество, не адаптированы к специфике цифровых кошельков и распределенных баз данных, что формирует устойчивый пробел в процессуальном обеспечении расследований.

Список литературы:

[1] Полтарыхин, В. А. Криптовалюта как предмет коррупционного преступления / В. А. Полтарыхин // Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.П. Малкова. В 2-х частях, Чебоксары, 02–03 октября 2020 года. Том Часть 2. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2020. – С. 109-113.

[2] Аминов И.Р., Трусов С.В. (2025). Криптовалюта как предмет преступлений коррупционной направленности. Международный научный вестник. – 2025. – № 1. С. 93-97.

[3] Герцен, П. О. Судебная защита прав на криптовалюту: современный нарратив, проблемы и перспективы / П. О. Герцен, А. Ю. Чурилов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 4(42). – С. 16-27.

[4] Гриб Д.В. Цифровые финансовые активы как предмет преступлений в сфере информационных технологий по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2(58). С. 77–82.

[5] Лисовский Д.Г., Креер П.В. Предмет коррупционных преступлений. Цифровые финансовые активы как предмет коррупционных преступлений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 555–558.

[6] Алёхин Д.Э. Квалификация преступлений, связанных с получением криптовалюты (майнингом) // Вектор юридической науки. 2025. № 5. С. 58–64.

[7] Качалов, В. В. Получение взятки криптова-

лютой: вопросы квалификации / В. В. Качалов // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 2. – С. 19-25.

[8] Волженкин, Б. В. Экономические преступления / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 1999. – 312 с.

References:

[1] Poltarykhin, V. A. Cryptocurrency as the Subject of a Corruption-Related Crime / V. A. Poltarykhin // Legal and Ethical Aspects of the Functioning of Civil Society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of V. P. Malkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, and Professor. In 2 parts, Cheboksary, October 2–3, 2020. Part 2. – Cheboksary: I. N. Ulyanov Chuvash State University, 2020. – pp. 109–113.

[2] Aminov, I. R., & Trusov, S. V. (2025). Cryptocurrency as the Subject of Corruption-Related Crimes. International Scientific Bulletin. – 2025. – No. 1. – pp. 93–97.

[3] Gertsen, P. O., & Churilov, A. Yu. Judicial Protection of Rights to Cryptocurrency: Contemporary Narrative, Challenges, and Prospects / P. O. Gertsen, A. Yu. Churilov // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. – 2023. – No. 4(42). – pp. 16–27.

[4] Grib, D. V. Digital Financial Assets as the Subject of Crimes in the Sphere of Information Technology under the Legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2(58). – pp. 77–82.

[5] Lisovsky, D. G., & Kreer, P. V. The Subject of Corruption-Related Crimes. Digital Financial Assets as the Subject of Corruption-Related Crimes // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 3. pp. 555–558.

[6] Alekhin D.E. Legal Classification of Crimes Involving the Acquisition of Cryptocurrency (Mining) // Vector of Legal Science. 2025. No. 5. pp. 58–64.

[7] Kachalov, V. V. Receiving a Bribe in the Form of Cryptocurrency: Issues of Legal Classification / V. V. Kachalov // Union of Criminalists and Criminologists. – 2020. – No. 2. – pp. 19–25.

[8] Volzhenkin, B. V. Economic Crimes / B. V. Volzhenkin. – Saint Petersburg: «Yuridicheskiy Tsentr Press» Publishing House, 1999. – 312 p.

